

Е. Б. ВЕСЕЛАГО

ИЗВЕСТИЯ ЛАОНИКА ХАЛКОКОНДИЛА ОБ АЛБАНЦАХ

Национальное самосознание народов Балканского полуострова формировалось и крепло в условиях многовековой борьбы этих народов за свою свободу и независимость. Значительную роль в этой борьбе сыграл албанский народ, который на протяжении длительного времени защищал свою свободу сначала от греков и „латинян“, а затем — от турок. Из среды его выдвинулся ряд талантливых предводителей. Наиболее видным из них был Скандербег, возглавивший героическую борьбу маленькой Албании против турок — сильнейшего в то время врага европейских стран — и остававшийся до конца непримиримым борцом за дело своего народа.

К сожалению, история Албании разработана недостаточно. Ряд важнейших проблем ее, таких, как этногенез и расселение албанцев, формирование этой народности, политическое объединение Албании, наконец, самый ход освободительной борьбы албанского народа, — еще требуют специального исследования. В решении этих и других вопросов большую помощь могут оказать известия византийских писателей. К числу чрезвычайно ценных источников по истории Албании относится труд византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила.

* * *

Посмотрим прежде всего, как объясняет Халкокондил появление албанцев на территории Балкан. „От япигов ли, как говорят некоторые, — пишет Халкокондил, — переправились они (албанцы) к Эпидамну и поселились кто где в покоренной ими земле, или с самого начала жили там в соседстве с иллирийцами и постепенно захватили земли к востоку от этого города, — я не могу утверждать определенно“¹.

Судя по тексту, Халкокондилу известны две точки зрения по этому вопросу. Первая: албанцы, двинувшись из земель япигов, перешли с Апеннинского полуострова в Эпидамн и поселились в покоренной ими земле, т. е. албанцы на Балканах — элемент пришлый. Вторая: албанцы искони жили по соседству с иллирийцами у Эпидамна, завладев

¹ Laonicus Chalcocondyla. Historiarum libri decem, ed. I. Bekker. Bonnae, 1843, p. 27, 9—εἴτε μὲν οὖν ἀπὸ Ἰαπυγίας, ὡς ἔνιοι φασίν. εἰς Ἐπίδαμνον διαβάντες ἐπὶ τὴν χώραν ἣν υπηγάζοντο σφίσιν ἄλλος ἄλλῃ ἀφίκοντο, εἴτε αὐτοῦ περὶ Ἐπίδαμνον τὴν ἀρχὴν Ἰλλυριῶν ἔμποροι προϊόντες κατὰ βραχὺ κατέσχον τὴν πρὸς ἑω τῆς Ἐπιδάμνου χώραν, οὐκ ἔχω ὅπῃ συμβάλλωμαι ἀσφαλῶς.

землей и на восток от этого города, т. е. албанцы — коренное население Балкан.

Первое из этих двух суждений безусловно не принадлежит самому Халкокондилу. Об этом говорит ссылка автора на то, что он сообщает лишь мнение некоторых людей (ὡς ἔνιοι φασίν).

Собственной точкой зрения Халкокондила или, по крайней мере, той, которую он разделял, могла быть вторая. В труде византийского историка нет определенного указания, кому именно она принадлежит. Из осторожности Халкокондил не берется решать, которая из этих двух точек зрения правильна. Он только указывает на существование в его время двух взглядов по данному вопросу.

В современной науке албанцы считаются коренным населением земель, лежащих на восточном берегу Адриатического моря¹. Индоевропейцы по происхождению, они, судя по данным языка, были близки к иллирийцам и фракийцам². Существует мнение³, что албанцы являлись иллирийским кланом. Название страны встречается в литературных памятниках средневековья в разных вариантах (Arbania, Arbanon, Raban, Albania, Albanum)⁴, но все эти названия одного корня и происходят, вероятно, от имени, данного албанцами центру их страны⁵.

Первое упоминание об Албании встречается в „Географии“ Птолемея⁶. Под 688 г. Албания впервые упоминается в летописях Дубровника⁷. В латинских документах название „Албания“ появляется, повидимому, лишь в конце VII—начале VIII в.

В греческой (византийской) литературе албанцев сначала именовали „иллирийцами“ и „людьми запада“, позднее и в ней появилось название „албанцы“, чаще всего в формах Ἀρβανοί⁸, Ἀλβανοί⁹, Ἀρβανῖται¹⁰, Ἀλβανῖται¹¹. Однако наряду с этим именем даже в XV в. для обозначения албанцев все еще продолжало употребляться и слово „иллирийцы“. В объяснение этого можно было бы высказать несколько предположений.

Название „иллирийцы“ могло сохраниться, во-первых, как элемент архаизирующего стиля того или другого писателя. Во-вторых, оно могло быть именем, данным албанцам лишь по месту их основного жительства. В-третьих, — могло указывать на иллирийское происхождение албанского народа.

При ближайшем рассмотрении вопроса оказывается, однако, что первое предположение лишено оснований. Нельзя связывать название „иллирийцы“ с архаизирующей манерой письма того или иного автора: два историка XV в., Критовул и Халкокондил, пишут в архаизирующем

¹ Cambridge Medieval History, vol. IV. Cambridge, 1936, p. 230; Noli Fan. Georgi Castrioti Scanderbeg (1405—1468). New York, 1947, p. 7.

² Noli Fan. Georgi Castrioti Scanderbeg... , p. 7.

³ Ibidem.

⁴ A. Gegaj. L'Albanie et d'invasion turque au XV siècle. Paris, 1937, p. 2.

⁵ Ibid., p. 3.

⁶ Ptolemaeus. Geographica, Lib. III, cap. XII, 20. Ср. у A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque... , p. 2.

⁷ Летописи Дубровника по списку Маттеи 526—828 гг. См. В. В. Макушев. Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. Записки Академии наук, т. XI. СПб., 1867 г. Прилож. № 5, стр. 5.

⁸ A. Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque... , p. 2.

⁹ Ducas. Historia Byzantina, p. 340, 9 etc.

¹⁰ Gegaj. L'Albanie et l'invasion turque... , p. 2.

¹¹ Phrantzes Georgius. Annales, ed. I. Bekker, I. Bonnae, 1832, p. 383. 7; Ducas, p. 25, 10.

стиле, но Критовул называет албанцев иллирийцами, а Халкокондил — нет. Остаются две другие возможности, а именно: или „иллирийцы“ — имя, которое, наряду с другими именами, применялось в XV в. для обозначения албанцев, или же это название надо поставить в связь с иллирийским происхождением албанского народа.

Мнение Халкокондила на этот счет вполне определено. Он пишет: „Высказывая свои соображения насчет иллирийцев, неправильно поступил бы тот, кто назвал бы ими современных албанцев“¹. В другом месте: „С самого начала я не согласен с теми, кто говорит, что албанцы — племя иллирийское“². Наконец: „Я удивляюсь, если кто, указывая на албанцев, высказает предположение, что они являются иллирийцами, думая, что на Эпир, Этолию и АкARNанию двинулись живущие в отдаленной части Ионийского залива иллирийцы“³.

Из этих высказываний историка можно сделать вывод о том, что в них употреблено название „иллирийцы“ и как имя албанского народа, и как слово, указывающее на происхождение этого народа. Сам Халкокондил не называет албанцев иллирийцами, а только албанцами и не допускает их иллирийского происхождения⁴.

Троекратное возвращение историка к одному и тому же вопросу, энергичный, вообще почти не свойственный нашему автору тон, полемическая нота, звучащая в приведенных местах текста, — все это вызывает на размышления: в самом деле, почему Халкокондил так решительно настаивает на том, что албанцы не иллирийцы? Оказывается, что на всем протяжении своего труда слово „иллирийцы“ Халкокондил употребляет в двух значениях — в более широком и более узком. Перечень народов иллирийского происхождения и территорий, на которых эти народы живут⁵, не оставляет никакого сомнения в том, что под „иллирийцами“ в широком смысле Халкокондил подразумевает славян. Славяне в его представлении — это племя, говорящее на одном языке⁶, одного происхождения⁷, единое⁸, со временем распавшееся на отдельные части и жившее в разных местах⁹. В состав этого племени византийский историк включает сарматов¹⁰, трибаллов¹¹, мисян¹², поляков¹³, пермяков¹⁴, кроатов¹⁵, далматинцев¹⁶, иллирийцев¹⁷. Под „иллирийцами“ же в узком смысле Халкокондил подразумевает боснийцев, о которых пишет таким образом: „Тогда же с наступлением лета он (Мехмед II) пошел против иллирийцев и царя иллирийцев. Племя это — иллирийцы — древнее и живет

¹ ὥστε οὐκ ὀρθῶς ἂν λέγοιεν οἱ γνώμην ἀποδεκνύμενοι περὶ Ἰλλυριῶν, ὡς εἶπαν οἱ νῦν Ἀλβανοί. Chalc., p. 27.1.

² ἀρχὴν δὲ ἐγὼ οὐδὲ προσέειμαι τὸν λόγον, ὡς εἶπαν Ἰλλυριῶν γένος οἱ Ἀλβανοί. Chalc., p., 27. 3.

³ θαυμάζω δὲ εἰ τοὺς Ἰλλυριοὺς ἀποφαινόμενος Ἀλβανοὺς τεκμαίροιτο τις, συμβαλλόμενος, ὡς Ἰλλυριοὶ οἱ πρὸς τῷ μυθῷ τοῦ Ἰονίου ἐχώρησαν ἐπὶ τὴν Ἠπειρόν τε καὶ Αἰτωλίαν καὶ Θετταλίαν χώραν. Chalc., p. 531. 4.

⁴ Ibid., p. 77. 20; 131. 7; 530. 15 etc.

⁵ Ibid., p. 35. 8.

⁶ Ibid., p. 35. 11.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., p. 34. 12.

¹⁰ Ibid., p. 35. 11; 132. 22; 530. 19 (русские).

¹¹ Ibid., p. 34. 11; 26. 14 (сербы).

¹² Ibid., p. 35. 8; 530. 18 (болгары).

¹³ Ibid., p. 31. 10.

¹⁴ Ibid., p. 132. 5 (Пέρμιοι).

¹⁵ Ibid., p. 35. 9.

¹⁶ Ibid., p. 530. 17.

¹⁷ Ibid., p. 35. 9.

оно по направлению к Ионийскому морю... Теперь они называются боснийцами¹.

Таким образом, текст „Истории“ позволяет считать, что происхождение народов и их взаимная связь живо интересовали Халкокондила. Не раз высказывал он свои, достаточно определенные, взгляды на этот счет. Однако в толковании вопроса об этнической принадлежности албанского народа у Халкокондила наблюдается некоторая двойственность. Решительно выступающий против того, чтобы считать или называть албанцев иллирийцами, сам он все-таки не имеет вполне ясного представления об их происхождении. Халкокондил, например, пишет: „Я, по крайней мере, сказал бы, что албанцы ближе к македонцам, чем к какому-нибудь другому народу. Ни на кого они не похожи, если только они не македонцы“². Таким образом, историк полагает, что уж если есть у албанцев сходство с каким-нибудь народом, то только с македонцами.

Халкокондил правильно заметил, что албанцев нельзя смешивать со славянами вообще, а с боснийцами — в частности. Обозначая именем иллирийцев славян, считая их народом иллирийского происхождения, Халкокондил брал за критерий сходство в языке этих народов³. Судя по тому значению, которое Халкокондил вообще придавал данным языкам для определения этнической принадлежности того или иного народа⁴, можно считать, что и близость между албанцами и македонцами он устанавливает, исходя из того же критерия.

Интерес Халкокондила к албанскому народу вполне закономерен.

С течением времени албанцы начинают играть все более самостоятельную роль в жизни народов Балканского полуострова. Не сразу отразилось это в трудах византийских историков. Довольно долго албанцы как бы терялись среди других народов, населявших территорию бывшей Иллирии, и потому оставались не замеченными греческими писателями. Но наступил момент, когда византийцы должны были обратить внимание на этот народ.

Первыми греческими историками, на страницах трудов которых нашел отражение процесс выделения албанцев (как этнической категории), были Скилица и Анна Комнина. Действительно, с одной стороны, автор „Алексиады“ все еще называет современную ей Албанию „Иллирией“⁵ и „Западной землей“⁶. Но в то же время у Анны (и у Скилицы) жители этой „Западной земли“ впервые в византийской исторической литературе названы „албанцами“ (*ἀλβανῖται*)⁷. Это обстоятельство не является какой-то случайностью. Надо думать, что в сознании историка получил отражение тот факт, что албанцы выделились из числа других „иллирийцев“ в особую народность, занимавшую теперь уже достаточно видное место на Балканах.

Почему именно историк XI в. первым „заметил“ этот народ? Громадное значение в этом отношении имела освободительная борьба болгарского народа и, в особенности, болгарское восстание 1040 г. Петр

¹ τότε δὲ ἐπιγενομένου τοῦ θέρους ἐστρατεύετο ἐπὶ Ἰλλυρίους καὶ Ἰλλυριῶν βασιλέα. τὸ μὲν οὖν τοῦτο γένος Ἰλλυριοὶ παλαιὸν τε καὶ ἐς τὸν Ἴόνιον φηγόμενον... καλοῦνται δὲ οὗτοι τὰ νῦν Βόσνιοι. (Chalc., p. 530.13).

² Ἀλβανούς γὰρ ἐγὼς μᾶλλον τε τοῖς Μακεδόσι προστίθεσθαι ἢ λέγοιμι ἢ ἄλλῳ τινὶ τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην ἔθνων οὐδενὶ τε γὰρ συμφέρονται, ὅτι μὴ τὸ Μακεδόνων γένος (Chalc., p. 532.3). Последняя фраза в латинском переводе Боннского корпуса совсем выпущена.

³ Chalc., p. 35. 11.

⁴ Ibid., p. 132. 7; 530. 17 etc.

⁵ Anna Comnena. Alexias, vol. I, p. 38.22; 76.8 etc.

⁶ Ibid., p. 38. 13.

⁷ Ibid., p. 294. 15; Scylitza. Historia. Parisiis, 1647, p. 865.

Делян, стоявший во главе этого восстания, вел за собою крестьянство и часть мелких бояр. Восстание захватило и албанское побережье и юго-запад Балканского полуострова, отчетливо концентрируясь в двух пунктах — в районе Драча и в Никопольской феме. И тут и там оно было тесно связано с движением славян¹. Одной из непосредственных причин отпадения Никопольской фемы было изменение системы обложения и злоупотребления сборщиками податей². Восстание в Драче началось с выступлений против вновь назначенного правителя Драча — Михаила Дермокаита, несправедливого и корыстолюбивого человека. Вместо него восставшие выбирают „благоразумного“ и „храброго“ Тихомира, которого они провозглашают своим „царем“. И в Никопольской феме и в Драче восставшие выступают против притеснений греков. Их объединяет ненависть к жадным сборщикам податей, возмущение несправедливостью правителей и военачальников³, их ссорами друг с другом и продажностью⁴.

Как в Никопольской феме, так и в Драче в движении участвовало не только болгарское население. Относительно Никопольской фемы в этом смысле не может быть никаких сомнений: ведь в нее входила Южная Албания, а восстание охватило всю фему (исключением являлся только Навпакт).

Но как обстояло дело в Драче? Участвовали ли албанцы в восстании, происходившем под руководством Тихомира?

Есть основание ответить на этот вопрос положительно, так как восстание 1040 г. не ограничилось пределами Драча, но распространилось и на его округу, а автохтонным населением последней были албанцы.

Восстание в Драче, особенно вторжение Петра Деляна в Грецию, переход на его сторону целой Никопольской фемы — все это должно было поднять дух албанцев. Неудача восстания Петра Деляна не поколебала веру восставших в возможность освобождения от иноземного господства. Ненависть к византийским чиновникам и динатам сплотила трудовое население Албании. Восстание 1040 г. помогло албанцам осознать свою силу и единство⁵.

Первое упоминание албанцев под их собственным именем связано с их участием в походе византийских войск в 1079⁶ и 1081 гг. против вторгшихся в пределы Византии норманнов⁷. При этом характерно, что отсутствие албанцев в одном из сражений явилось, по мнению Анны Комнины, причиной поражения византийцев⁸, — факт, свидетельствующий о немалом значении албанских отрядов в военных силах Византии.

Среди албанцев выделяются уже опытные военачальники, которым можно доверить защиту большого города. Не греку, не венецианцу поручает Алексей в 1081 г. защищать от норманнов Драч, а одному

¹ Относительно совместных выступлений албанцев и славян интересны свидетельства Льва Грамматика и Кедрина (Leo Grammaticus. Ed. I. Bekker, Bonn, 1842, p. 310; Georgius Cedrenus. Compendium Historiarum, II, p. 312—314). По их словам, Македония, в состав которой входила тогда Албания, была жестоким образом разорена болгарскими походами конца X в. Албанцы же, выступая против греков вместе с болгарями, стойко держались за порядки, установленные во время болгарского господства.

² Cedrenus, II, p. 530.

³ В. В. Макушев. Исторические разыскания о славянах в Албании в средние века. Варшава, 1871, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. 3, стр. 118.

⁶ Scylitza, p. 865.

⁷ Anna Comnena, I, p. 294. 15.

⁸ Ibid., p. 6, 166.

из албанских вождей¹ Комискору². Все это говорит о возросшем значении албанского народа. Употребление Анной нового слова ἀρβανῖται надо связывать именно с этим обстоятельством.

Внутренняя жизнь Албании характеризуется в это время развитием феодальных отношений, хотя у албанцев еще сохраняются и пережитки родового строя³.

К концу XIII и началу XIV в. процесс феодализации в албанском обществе значительно усиливается: происходит разложение общины; возрастает эксплуатация крестьянства „своими“ и „чужими“ феодалами; увеличивается гнет местных и центральных властей. В то же время не прекращаются иноземные вторжения в страну.

В ускорении процесса феодализации значительную роль сыграло появление на территории Албании анжуйцев (около 1270 г.). Манифест Карла I от 21 февраля 1272 г.⁴, изданный им по случаю установления своей власти над Албанией, гласит, что албанцы уступают ему и его наследникам не только все права (*omnia jura*), но и всю власть над этим королевством (*omniam signoriam ipsius regni*). Карл же принимает всех под свою власть, господство и защиту (*sub...signoria, dominio, defensione*). При этом за клятву в должной верности (*fidelitate debite iuramentum*) Карл обещает сохранить все привилегии, дарованные им прежними императорами Рومании (*privilegia eis concessa ab antiquis imperatoribus Romanie*). В период господства анжуйцев в албанском обществе, судя по данным документов, появляются феодалы с титулами графов (*comites*) и баронов (*barones*)⁵.

В это время входит в употребление термин „вассал“. Так, прося оказать помощь Филиппу Тарентскому, Карл II обращается с просьбой к *feudatoriis* Албании⁶. В 1294 г. *feudatorii* Албании подают жалобу на несправедливые поступки наместника Филиппа Тарентского — Борджиде Пуси. Документы свидетельствуют и о существовании феодалов. В договоре (от 3 декабря 1337 г.) Карла Анжуйского с Андреем Музаки, деспотом Албании, за последним закрепляются и подтверждаются права на его имения, которые в этом документе названы феодальными (*omnia bona feudalia*)⁷.

Албанские вассалы были обязаны нести военную службу сеньору. Так, бояре, принадлежавшие к албанской знати (*nobilioribus Albanie*)⁸ и принятые на королевскую службу, должны были являться для выполнения своих обязанностей с шестью вооруженными всадниками и пятью пажами⁹. В особо серьезных случаях, как, например, при подавлении восстаний, они являлись со значительными отрядами¹⁰.

В систему вассальных отношений оказывается включенной сама

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, стр. 103; В. В. Макушев. Исторические разыскания... , стр. 9.

² Анна Комнена, I, р. 4, 122.

³ В. В. Макушев. Исторические разыскания... , гл. 5-я; Н. Д. Смирнова и И. Г. Сенкевич. Освободительная борьба албанского народа против турецких поработителей в XV веке. ВИ, № 12, 1953, стр. 81.

⁴ *Registri Angioini*, vol. XVII, f. 20. В. В. Макушев. Исторические разыскания, стр. 22, прим. 3. Ниже при ссылке на анжуйские регистры указывается соответствующая страница в книге В. В. Макушева, в которой приведены эти документы.

⁵ *Reg. Ang.*, vol. CXXXIII, f. i t^o (стр. 36).

⁶ В. В. Макушев. Исторические разыскания... , стр. 35.

⁷ Там же, стр. 43.

⁸ *Reg. Ang.*, vol. XLVI, f. 125 (стр. 24).

⁹ *Cum majori, quo poteritis, armigerorum exercitu*. *Reg. Ang.*, vol. CXI, f. 173. (стр. 35).

¹⁰ *Ibidem*.

деспина Эпира Анна: в 1305 г. она признает над собой сюзеренами Филиппа и его наследников, обязуясь уплачивать ему ежегодно определенную сумму, в случае же войны Филиппа с албанцами (т. е. в случае их восстания) — выставить 200 всадников. При этом обуславливалось, что если сюзерен лично участвует в войне, албанский деспот, вассал его, должен лично вести свой отряд¹.

Развитие феодальных отношений было связано с ухудшением в положении народных масс.

Действительно, положение трудового населения Албании в XIII—XIV вв. было нелегким. Многократно подтверждавшиеся анжуйцами льготы оставались фикцией. Доказательством тому служит уже сам факт повторного подтверждения этих льгот. Трудящееся население находилось под гнетом албанских, греческих и итальянских феодалов. Оно было обременено многочисленными налогами и повинностями и часто голодало. Многие бедняки, — как албанцы, так и греки, — вынуждены были продавать себя в рабство в своих собственных домах (*in domibus eorum*). Это явление было, видимо, довольно распространенным, судя по тому, что Карл I особым указом от 6 декабря 1275 г. строго запретил торговлю такими рабами и предписал отпускать их на волю: „Обязуй всех, имеющих рабами или слугами албанцев или греков, при условии, что они куплены в своих домах, освободить этих албанцев и греков. Пусть им позволят свободно, без каких бы то ни было условий, уйти, куда они захотят;... всех тех, кто такого рода албанцев или греков задержал бы, в наказание за столь большое своеволие, мы прикажем передать нашей курии, как рабов и слуг, подобно тому, как они сами держали этих албанцев и греков“².

Естественно, что при таких обстоятельствах в период господства анжуйцев в Албании то и дело вспыхивают народные восстания. Известны восстания 1273, 1281, 1302, 1305, 1318, 1325, 1335, 1338 гг. Волнения происходили и во времена относительного „затишья“, т. е. в промежуточные между этими восстаниями годы.

В ходе восстаний выдвигался лозунг политического объединения страны. Впервые эта идея отчетливо оформилась еще во время Эпирского восстания 1256 г.³ Опираясь прежде всего на албанский народ, поднявшийся на борьбу за свою свободу, деспот Михаил, возглавивший движение против „латинян“ и Никейской империи, провозгласил независимость Эпира. После этого начинается новый этап борьбы албанского народа за свое освобождение, борьбы против засилья греков и господства анжуйцев.

В ходе этой борьбы за политическое единство усиливается активность народных масс. Так, в 1273 г. албанцы и их соседи (*περιοικοι*) захватывают разрушенный землетрясением Драч⁴ и заселяют его. Драч был не

¹ В несколько ином положении находится, повидимому, севастократор Албании Павел Кропа: своими землями, пожалованными ему за услуги анжуйскому дому, он владеет *sub serviciis usibus et consuetudinibus Imperii Romanie*, в соответствии с установлениями местного права. Судя по названиям находившихся в его владениях деревень, можно думать, что они были населены преимущественно славянами. В. В. Макушев. Исторические разыскания... стр. 24.

² *Albanenses seu Grecos tenentibus pro sclavis seu servis, occasione, quod eos emerint in domibus eorum... iniungas, ut ipsos albanenses et grecos liberant et liberos, ubicunque voluerint, sine conditione, qualibet abire permittunt... omnes illos, qui hujusmodi albanensis et grecos... retinuerint, in penam tante temeritatis eorum pro servis et sclavis, sicut ipsi retinebant eosdem albanenses et grecos, mandabimus curie nostre deportare.* Reg. Ang., vol. XXI, f. 321 t^o (D. Pretine 6 decembres III Ind.), (стр. 27).

³ С этим надо связать появление у Акрополита термина τὸ τῶν Ἀλβανίτων ἔθνος. Georgius Acropolita. Annales, p. 68.

⁴ Reg. Ang., vol. XXXVII, f. 70 t^o etc. (стр. 29).

только крупным и важным по своему экономическому значению городом, но, повидимому, и административным центром Албании. Еще Самуил Болгарский сделал его резиденцией правителя подвластной ему Албании¹, закрепив этим, может быть, старое значение Драча. Позднейшее свидетельство Халкокондила о том, что албанцы издревле живут у Эпидамна, как называет Халкокондил Драч, лишь подтверждает значение этого города в прошлом Албании.

Следует отметить, что некоторые восстания албанцев начинаются именно в Драче и его окрестностях: это относится к восстаниям 1272, 1281 и 1318 гг. После подавления этих восстаний анжуйцы были вынуждены давать льготы жителям Драча и подтверждать их.

В начале XIV в. размах восстаний значительно возрастает, что вызывает сильное беспокойство анжуйцев. В Анжуйских регистрах по поводу восстания 1302 г. говорится: „...некоторые (люди) Романии, сыновья порока, затевают много всякого недозволенного. Их поступки нарушают спокойствие в землях самого короля и возбуждают раздоры и соблазны“².

Из этого сообщения очевидно, что против существующего порядка выступает местное население (*nonnulli de partibus Romanie*), т. е. албанцы (в анжуйских памятниках под „Романией“ имеются в виду не одни лишь Морея и острова Ионического моря, но и вся Албания). Восставшие затевают „недозволенное“ (*nefanda*); движение приняло значительные размеры (*multa nefanda*).

Восстание в Албании затронуло непосредственные интересы короны, нарушив „спокойствие“ в землях короля (*terre ipsius Principis, quam habet in eisdem partibus Romanie, status turbatur pacificus*). Восстание оказалось настолько грозным, что для подавления его потребовалось собрать большое количество войск: вассалам было предписано явиться с возможно более многочисленными отрядами вооруженных людей (*cum majori, quo poteritis, armigerorum exercitu*).

Необходимо теперь остановиться на известии Халкокондила о массовом продвижении албанцев на территорию Восточных Балкан. Рассказывая о том, как Стефан Душан, покорив окрестности Эпидамна, двинулся оттуда в Македонию, Халкокондил сообщает и о выступлении на восток албанцев; „Я сам твердо знаю, имея к тому много доказательств, и слышал, конечно, от многих, что действительно от Эпидамна двинулись и они (албанцы) в восточные земли Европы. Они пришли в Фессалию, Этолию и Акарнанию, покорили немалую часть Македонии и жили (в этих местах)“³.

Таким образом, исходным пунктом движения албанцев Халкокондил считает Эпидамн. Это утверждение как будто встречается только у него, причем Халкокондил очень настаивает на этом обстоятельстве⁴.

Возможно, что это продвижение албанцев явилось одним из результатов анжуйского завоевания. Драч был основным опорным пунктом анжуйцев в Албании. Отсюда гнет завоевателей распространялся на остальное население страны. И этот гнет вызывал не только восстания, — он был также причиной ухода местного населения из Драча и

¹ В. В. Макушев. Исторические разыскания. . . , стр. 4.

² Reg. Ang., vol. CXI, f. 173 (стр. 35): . . . , *nonnulli de partibus Romanie filii pravitatis. . . nefanda multa et varia mahinantur, ex quibus terre ipsius Principis, quam habet in eisdem partibus Romanie, status turbatur pacificus et proinde dissensions et scandala inibi oriuntur.*

³ Chalco., p. 209. 17.

⁴ Ibid., p. 209. 7.

его окрестностей. Проникновение анжуйцев вглубь албанской территории побуждало массу жителей сниматься со своих мест.

В своем движении албанцы достигли Фессалии¹, подчинили ее, захватили ее земли и разделили между собой ее города². Однако, по словам того же историка, на захваченных землях они сохранили свои прежние порядки³, т. е. жили попрежнему как номады⁴, нигде не обосновываясь прочно⁵. Захватили албанцы и Центральную Македонию, Касторию и Аргирополихну⁶.

Если при захвате Фессалии и Македонии албанцы и встретили некоторое сопротивление, то едва ли оно было значительным; даже укрепленные города этих областей не смогли удержаться⁷.

Иначе происходило утверждение албанцев в Акарнании. По словам Халкокондила, они обосновались там с согласия ее властителя, которого историк называет Исааком⁸. Он отвел албанцам земли, где они и поселились⁹.

Через некоторое время после прибытия в Акарнанию, албанцы вступают друг с другом в какое-то соглашение, результатом которого, по словам Халкокондила, явилось их объединение. Целью этого объединения становится борьба с греками¹⁰. Выбрав время, когда властитель Акарнании находился на охоте, албанцы напали на него и убили¹¹. Это послужило сигналом к восстанию. Захватив Акарнанию, албанцы двинулись на принадлежавшую итальянцам Арту, осадили и взяли ее¹². После этого они, как пишет Халкокондил, „больше вообще не сочли нужным держаться спокойно“ (οὐδὲν ἔτι ἐς ἡσυχίαν ἐκδιδόντες)¹³, но теперь обрушились уже на владения „латинян“.

Случаи изгнания „латинян“ из этих областей имели место и раньше. Говоря о ставленниках Неаполя в Акарнании и Этолии, Халкокондил пишет: „Когда прежде архонты этой земли, люди царя Партенопеи, называемой Неаполем, были изгнаны их соседями (ὕπο τε τῶν περιόικων) и местными жителями (καὶ τῶν ταύτῃ ἐθνῶν) и удалились в Италию, острова Кефалония, Закинф и лежащие здесь же Эхинады, обратились к царю Партенопеи и приняли от него гармоста и архонта“¹⁴. Конечно, на основании этого сообщения нельзя с полной определенностью утверждать, что под „этой землей“ историк подразумевал и Акарнанию. Но все же некоторое основание для такого утверждения имеется: обратное завоевательное движение графа-палатина Кефалонии Карла I направлено было не только на Эпир, но и на Акарнанию¹⁵.

¹ Все построение фразы указывает, что главный упор в ней делается на то, что албанцы двинулись в путь именно от Эпидамна, причем Халкокондил, говоря об этом, употребляет свою самую категорическую форму утверждения: „И сам я твердо знаю...“ (οἶδα τε αὐτὸς ἐπιστάμενος). Chalc., p. 27.8.

² Chalc., p. 209. 19.

³ Ibid., p. 209. 21.

⁴ νομάδες τε ὄντες (Ibidem).

⁵ οὐδαμῇ ἔτι βέβαιον σφῶν αὐτῶν τὴν οἴκησιν ποιοῦμενοι. (Ibid., p. 209. 22).

⁶ Ibid., p. 209. 18.

⁷ Ibid., p. 209. 20.

⁸ Ibid., p. 210. 4.

⁹ Ibid., p. 210. 1.

¹⁰ Как всегда, Халкокондил не приводит даты, ограничиваясь словами „после этого“ (μετὰ ταῦτα). Ibid., p. 210. 2.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid., p. 210. 11.

¹³ Ibid., p. 210. 14.

¹⁴ Ibid., p. 209. 2.

¹⁵ Ibid., p. 209. 13. καὶ ὡς ἐν τῇ Κεφαλληνίᾳ διατρέβοντες προσέσχον τε τῇ Ἠπειρῷ, ἐπαγομένων τῶν Ἠπειρωτῶν τὴν τε χώραν ἐκτήσαντο σφίσιν ὑπήκοον καὶ κατὰ βραχὺ τὴν τε Ἀκαρνανίαν.

По получении вестей о потере и разорении итальянских владений, с островов, где сидели архонты неаполитанского короля, была направлена против албанцев военная экспедиция. Архонты с войском двинулись из Керкиры¹. Целью их было снова завладеть Артой и отобрать у албанцев Акарнанию². Итальянцы подвезли к городу садовые машины и приступили к планшерной осаде³.

Защиту города взял на себя албанский всадник Гин Спата⁴. Он действовал при поддержке сербского князя Этслии Приалупа, на дочери которого был женат⁵. Тактика Спаты сводилась к тому, чтобы объединять албанцев для борьбы, действуя вне осажденного города⁶.

Обращает на себя внимание, что Спата, объезжая с этой целью страну, не принуждал албанцев воевать, но „предоставлял им добровольно“, по собственному побуждению следовать за ним и „подвергаться опасностям войны“⁷. Позднее к такой же тактике прибегнет и Скан-дерберг.

Действия Спаты были неожиданны для врагов⁸. Внезапное нападение на осаждавших Арту итальянцев решило судьбу итальянской экспедиции. Итальянцы были обращены в бегство, многие из них перебиты, другие попали в плен⁹. Разгром был полный. В результате этой победы власть над Акаранией перешла к людям Спаты¹⁰, т. е. албанцам.

Гин Спата, деспот Аргирскастрена, играл в это время значительную роль в политической жизни Акарнании. Он возглавил в этой местности освободительное движение албанцев. Под его непосредственным руководством¹¹ было организовано убийство властителя Акарнании, послужившее сигналом к восстанию албанцев, всеместному захвату земли и расправе с греками¹². Позднее Гин Спата выступил как организатор борьбы против „латинян“, а затем — против турок. Вот как характеризует Спату Халкокондил: „Во главе их был Спата, человек, давший им в то время полезный при существующих обстоятельствах и благородный пример решительности и отваги“¹³. Положительно характеризует этого вождя и Эпирская хроника Комнина и Прокла¹⁴. По словам ее авторов, Спата был деятельным, выдающимся человеком. Он борется против жестокого деспота Эпира Фомы, защищает притесняемых им албанцев, совершает частые набеги на его владения¹⁵. Фома пробует воздействовать на Спату подкупом, но это ему не удается. Продолжая выступать против Фомы, Спата постоянно пользуется поддержкой албанцев¹⁶.

В 1385 г. Спата возглавляет борьбу против турок. Перед лицом турецкой опасности он готов объединиться даже с Фомой, забыв все

¹ Chalco., p. 210. 15.

² Ibid., p. 210. 18.

³ Ibid., p. 210. 19.

⁴ Ibid., p. 210. 21.

⁵ Ibid., p. 211. 7.

⁶ Ibid., p. 211. 21.

⁷ Ibid., p. 211. 2.

⁸ Ibid., p. 211. 2, 15.

⁹ Ibid., p. 311. 3.

¹⁰ Ibid., p. 211. 8.

¹¹ Ibid., p. 210. 6.

¹² Ibid., p. 210. 9.

¹³ Ibid., p. 210. 6.

¹⁴ Ἱστορικὸν Κομνηνοῦ μοναχοῦ καὶ Προκλου μοναχοῦ περὶ διαφόρων δεσπότηων τῆς Ἑπείρου. Изд. Г. Дестуниса, СПб., 1858, § 15.

¹⁵ Ἱστορικὸν Κομνηνοῦ μοναχοῦ. . . , § 15, 16.

¹⁶ Ibid., § 17.

прежние столкновения между ними. Фома, преследуя прежде всего личные интересы, отклонил предложение Спаты¹.

После смерти Фома Спата вступил в борьбу за Акарнанию с Исавом Буадельмонте и одержал над ним верх². Впрочем, плоды этой победы были утрачены с утверждением здесь турок Баязета, оказавшего поддержку Буадельмонте. Умер Спата в 1400 г.

Борьба албанцев под руководством Спаты против „латинян“, сербских деспотов и турок была борьбой с иноземными захватчиками, против притеснений, чинимых со стороны завоевателей, будь то сербские деспоты, турки или итальянцы.

Любопытно построение только что рассмотренного отрывка из „Истории“ Халкокондила³. Текст отчетливо подразделяется на четыре части.

Соответствующие части текста следуют друг за другом довольно стройно. Стройность изложения, однако, несколько нарушается при переходе от третьего отрывка, в котором говорится о полном закреплении албанцев в Акарнании, к четвертому, где сообщается о победе Карла, последовавшей немедленно после этого (μετά ταῦτα). Здесь имеется явный пробел в изложении. Его можно, однако, восполнить, приняв во внимание следующие соображения.

После взятия Спатой Арты (1373 г.) неаполитанцы полностью или частично потеряли свои владения на территории Акарнании. Во всяком случае, они не могли их сохранить в первоначальном объеме. Халкокондил по этому поводу прямо говорит: „Таким образом люди Спаты захватили земли Акарнании“⁴. Из хроники Комнина и Прокла видно, что все это время Спата развивал энергичную деятельность, борясь за Акарнанию то с деспотом Фомой, то с итальянцами, то с турками, неизменно защищая интересы албанцев и пользуясь их поддержкой. Ни авторы указанной хроники, ни Халкокондил не упоминают о каких бы то ни было попытках итальянцев отстоять свои прежние позиции в Акарнании.

Гин Спата сумел организовать сопротивление завоевателям в продолжение последней четверти XIV в. Албанцы были преградой на пути проникновения итальянцев на Балканы.

Попытка вернуть свои владения и еще более расширить их была сделана Карлом Токко в начале XV в., т. е. уже после смерти Гина Спаты.

Лишь в конце 1400 г. когда Карл уже добился известных побед на континенте, — албанцы несколько ослабили сопротивление. В эти годы подняли голову все недовольные албанцами, те, о которых Халкокондил говорит, что они „тяготились тиранией албанцев“⁵. Это облегчило победу Карла и переход Акарнании в руки итальянцев⁶.

Чем грозило последующее усиление албанцев, хорошо понимали в конце XIV в. и турки. Косвенное подтверждение этому мы находим в рассказе Халкокондила о битве на Косовом поле⁷, после которой Баязет жестоко расправляется не только с сербами и боснийцами, но и с албанцами. В земли последних посылается войско, которое опустошает

¹ Ἱστορίων Κομνηνοῦ μοναχοῦ..., § 27.

² В 1395 г. состоялось бракосочетание Буадельмонте с дочерью Спаты (Ibid., § 38).

³ Chalco., p. 209. 2 — 211. 15.

⁴ Ibid., 211. 8.

⁵ τινὼν τῶν τῆς χώρας αὐτῆς ἀχθόμενων τῇ Ἀλβανῶν τυραννίδι. Chalco., p. 211. 10.

⁶ Ibid., p. 211. 12.

⁷ Ibid., p. 59. 5—60. 1; 53. 1—54. 23.

их вплоть до побережья. Подверглись разорению и окрестности Драча¹.

В этой связи получает определенное значение и свидетельство Франдзи², который пишет, что, победив на востоке Дина, эмира Амастриды и других эмиров³, Баязет вернулся в Европу и пошел против венгров. После победы над ними⁴ была захвачена и часть Албании⁵.

Это известие Франдзи перекликается с сообщением Халкокондила. Оба историка описывают события крупнейшего значения — битву на Косовом поле (Халкокондил), сражение при Никополе (Франдзи). И тут и там противниками турок были народы, игравшие в конце XIV—начале XV в. ведущую роль на Балканском полуострове. Характерно, что свидетельства того и другого историка об этих сражениях заканчиваются упоминанием об албанцах. Ведя борьбу с венграми, сербами и боснийцами, Баязет всякий раз принимает решительные меры и по отношению к албанцам, которые в это время были уже опасными противниками турок.

* * *

С увеличением роли албанского народа в политической жизни Балкан связана и деятельность отдельных албанских вождей, — таких, как Арианит Комнин, Топия Зенемпис и, наконец, Скандербег.

Земли Арианита, смежные с землями Ивана Кастриота, отца Скандербега⁶, лежали (в основном) на морском побережье, простираясь вглубь материка⁷ приблизительно до Аргирополихны⁸. В 30—40-х годах XV в. Аргирополихна принадлежала туркам: здесь находилась постоянная резиденция турецкого правителя. Отсюда турки вторгались в земли Кастриотов и Комнинов⁹. Иван Кастриот, бывший уже в зависимости от турок, являлся в ставку султана и участвовал в его походах¹⁰. После смерти Ивана султан взял к себе его сыновей, захватив земли Кастриотов¹¹. Отцовские земли были отняты и у Арианита, который тоже отправился к султану¹². Но Арианит недолго оставался при турецком дворе¹³.

Еще живя там, он поддерживал непрерывную связь со своей родной, вел переговоры с соотечественниками¹⁴. Будучи в курсе событий, происходивших в Албании, он призывал албанцев к восстанию. Однако для этого необходимо было, чтобы сам Арианит прибыл в Албанию¹⁵. Наконец, ему удалось бежать от турок¹⁶ и возвратиться домой. Здесь Арианит вступил в соглашение с албанской знатью¹⁷, которая также приняла участие в восстании¹⁸. Последнее не замедлило вспыхнуть в 1443 г. Началось избиение турецких начальников¹⁹, были произведены набеги на

¹ Chalco., p. 60. 15.

² Phrantzes, p. 82. 14.

³ Ibid., p. 82. 5.

⁴ Ibid., p. 82. 14.

⁵ Ibidem.

⁶ Chalco., p. 249. 7.

⁷ Ibid., p. 249. 9.

⁸ Ibid., p. 249. 10.

⁹ Ibid., p. 249. 11.

¹⁰ Ibid., p. 249. 12.

¹¹ Ibid., p. 249. 17.

¹² Ibid., p. 249. 14.

¹³ Ibid., p. 249. 19.

¹⁴ Ibid., p. 249. 22.

¹⁵ Ibid., p. 249. 22, 23.

¹⁶ Ibid., p. 249. 23.

¹⁷ Ibid., p. 250. 1.

¹⁸ Ibid., p. 250. 3.

¹⁹ Ibidem.

земли „царя“ (султана), подвергшиеся полному разорению¹, причем сами албанцы держались, как всегда, в гористой и труднодоступной местности².

Весть о восстании дошла до султана. В Албанию было отправлено войско под командованием Али, сына Бранидзы, с поручением напасть на земли албанцев, захватить их, а Арианита привести к султану³. Турецкое войско, размещавшееся возле Аксия и в Аргирополихне, вторглось в землю албанцев, разоряя ее и безжалостно сжигая дома, поля и посевы⁴. Албанцы не оказали сопротивления на месте, не воспрепятствовали грабежам и пожарам. Тактика Арианита была иной: он решил отрезать туркам обратный путь. Собрав местных всадников и пехотинцев⁵, Арианит овладел горными проходами и перевалами, через которые должны были двигаться турецкие насильники. Попытка турок пройти по этой дороге не удалась: Арианит и его люди устроили засаду и не выпустили их. Турки, сообщает Халкокондил, гибли, метались по стране, ища спасения, кто как мог⁶. Большинство из них было перебито, многие взяты в плен живыми⁷. Те отряды турок, которые отправились обходным путем, вышли к морю и долго блуждали⁸. Велика была, говорит Халкокондил, слава Арианита после этой победы⁹: он совершил, по словам греческого историка, великий и славный подвиг¹⁰. Турецкое войско понесло большие потери¹¹.

Успех восстания, руководимого Арианитом, и стремление вырваться из-под власти турок побудили восстать и албанцев, живших в районе Аргирополихны¹². Во главе восставших здесь встал Дебан¹³. Его отец тоже пострадал в свое время от турок, как и многие местные вожди, земли которых были захвачены завоевателями. Сам Дебан после утраты своих земель провел некоторое время в Италии, а затем на Керкире у венецианцев¹⁴. По призыву окрестного населения Аргирополихны он вернулся на родину и стал „царем“¹⁵. Собрав войско¹⁶, албанцы напали на Аргирополихну, занятую турками. Началась осада города, ведшаяся с применением осадных машин¹⁷. Янычары и гарнизон города хорошо защищались¹⁸: осада была безуспешной. Не прекращая ее, албанцы принялись грабить земли турок вокруг города¹⁹.

Султан находился тогда в восточных областях, где вел войну с Караманом. Весть об отпадении албанцев и об осаде Аргирополихны заставила взяться за оружие Турахана, эпарха Трикаллы и Фессалии. С большим войском, несмотря на глубокий снег, он спешно направился к Аргирополихне. Турахан прибыл туда на второй день пути и напал

¹ Chal c., p. 250. 4.

² Ibid., p. 250. 5.

³ Ibid., p. 250. 10.

⁴ Ibid., p. 250. 12.

⁵ Ibid., p. 250. 15.

⁶ Ibid., p. 250. 21.

⁷ Ibid., p. 250. 23.

⁸ Ibid., p. 251. 1.

⁹ Ibid., p. 251. 5.

¹⁰ Ibid., p. 251. 6.

¹¹ Ibid., p. 251. 8.

¹² Ibid., p. 251. 11.

¹³ Ibid., p. 251. 12.

¹⁴ Ibid., p. 251. 15.

¹⁵ Ibid., p. 251. 18.

¹⁶ Ibid., p. 251. 22.

¹⁷ Ibid., p. 252. 1.

¹⁸ Ibid., p. 252. 2.

¹⁹ Ibid., p. 252. 5.

на осаждавших город албанцев¹. Нападение было неожиданным, и албанцы понесли большие потери². Многие попали в плен, в том числе сам Дебан. Албанское население снова попало под власть турок³. Представители местной знати⁴, не успевшие спастись до наступления Турахана, погибли⁵. Восстание Дебана, таким образом, пстерпело неудачу.

В начале 40-х годов XV в., когда в Юго-Восточной Европе ожидали помощи венгров, когда пошли слухи о том, что Запад поднимается против турок, что уже захвачен Геллеспонт, „все, потерявшие при турках владения, — пишет Халкокондил, — бросились в отцовские земли, стремясь взять обратно то, что удастся взять“⁶.

В это время из Македонии двинулся на отвоевание своих земель Зенемпис⁷. К нему примкнули жившие в этих местах албанцы, — те из них, которые были с ним „одинакового образа мыслей“⁸. Зенемпис прошел Аргиполихну и Касторию и утвердился там⁹. Узнав о движении Зенемписа, епарх Веррои Теридза собрал войско из турок и живущих по Аксию „скифов“¹⁰. К нему присоединились многие турки, жители Терм¹¹. Нападение турок было неожиданным для восставших. Большинство воинов Зенемписа пало, сам он был также убит.

Албанское племя арабаты, жившее на границе Ахайи, несмотря на то, что турки согласились сохранить у них прежний порядок управления, не захотело оставаться подвластным туркам; арабаты помогали грекам Пелопоннеса, принимая, таким образом, участие в их борьбе с турками¹².

Таковы в общих чертах свидетельства Халкокондила об отдельных восстаниях албанского народа в 30—40-х годах XV в. Эти восстания происходили в области, где были расположены земли Кастриота (восстание Арианита), в окрестностях Аргиполихны (восстание Дебана) и в прибрежной Македонии с окрестностями Кастории (восстание Зенемписа). Восстания возглавляла албанская знать. Побудительной причиной, заставившей вождей взяться за оружие, было, по словам Халкокондила, прежде всего желание вернуть отнятые турками земли этих вождей¹³.

Насколько сильным было это стремление, особенно ясно видно из рассказа Халкокондила о движении Зенемписа: достаточно было разнести слуху о предполагавшемся венгерском походе против турок, как Зенемпис и другие представители знати бросились в свои бывшие владения, дабы вернуть хоть что-нибудь из них. Точно так же Дебан, провозглашенный „царем“ жителями окрестностей Аргиполихны, осаждает этот город, считая его своей собственностью¹⁴.

Менее всего желание вождей захватить земли как стимул к выступлению против турок подчеркнуто в рассказе о восстании, проходившем под руководством Арианита. Хотя Арианит тоже потерял свои владения, но стремление вернуть их не выдвигается Халкокондилом в объяс-

¹ Chalc., p. 252. 12.

² Ibid., p. 252. 19. Погибло при этом, по словам Халкокондила, до 1000 человек.

³ Ibid., p. 252. 20.

⁴ Ibid., p. 252. 22.

⁵ Ibid., p. 253. 1.

⁶ Ibid., p. 323. 17.

⁷ Ibid., p. 324. 2.

⁸ οἱ ἐνῆσαν αὐτῷ (Ibid., p. 324. 4).

⁹ Ibid., p. 324. 6.

¹⁰ Скифами Халкокондил называет татар. (Ibid., p. 324. 8).

¹¹ Ibid., p. 324. 9.

¹² Ibid., p. 319. 12.

¹³ Ibid., p. 324. 1; 251. 23; 250. 1.

¹⁴ Ibid., 251. 22.

нение причин того, почему Арианит возглавил восстание. Это не значит, что Арианит действовал вполне „бескорыстно“. Но вместе с тем не следует пренебрегать свидетельством Халкокондила о том, что этот знатный албанец не порывал связей с родиной, что он серьезно подготовлял восстание¹. Несомненно, что Арианит должен был обладать довольно значительным авторитетом, коль скоро его избрали руководителем еще тогда, когда он находился у турок, откуда ему еще предстояло бежать в родную землю². Этим, в известной мере, можно объяснить, почему Депан и Зенемпис, преследовавшие главным образом личные интересы, не имели того успеха, которого достиг Арианит. Действительно, руководимое им восстание по своим реальным результатам было самым успешным по сравнению с остальными восстаниями 30—40-х годов, возглавлявшимися албанскими всадниками: подготовка этого восстания была самой основательной, „личный момент“ в нем выступал наименее явственно.

Какова бы ни была роль знати в восстаниях, все они (т. е. восстания Арианита, Депана и Зенемписа) по существу представляли собой попытки активного выступления широких слоев албанского народа против турецких насильников. Со слов Халкокондила мы знаем, что за Арианитом шли местные всадники и пехотинцы (τοῖς τῆς χώρας ἰππέας καὶ πεζούς)³; в значительной своей части простые албанцы поддерживали Зенемписа — недаром с ними так жестоко расправился епарх Теридза⁴.

Ход восстаний во всех трех случаях, примерно, одинаков: избиение турецких начальников, набеги на земли турок, разорение и ограбление их владений. Обычно восставшие держались в неприступных горах. В открытых местах они чувствовали себя значительно слабее, — это сказалось, например, при столкновении Зенемписа с турками в долине Кастории⁵.

Набор в войска восставших производился не принудительно, а добровольно: против турок шли те, кто действовал по своему желанию. Такой принцип формирования войск был широко распространен у албанцев. Это не раз подчеркивает и Халкокондил⁶.

Восстания 30—40-х годов имели значительный размах. Не случайно для подавления восставших турки направляли крупные силы. Во главе войск становились опытные военачальники: против Депана отправился Турахан, епарх Трикаллы и Фессалии, против Зенемписа — епарх Веррой Теридза. В турецких войсках сражались турки из охваченных восстанием местностей, янычары, татары, живущие здесь, и местные всадники.

Самым важным последствием восстаний 30—40-х годов XV в. было глубокое осознание албанцами идеи необходимости и возможности борьбы с турецкими захватчиками.

* * *

Ход борьбы албанцев с турками в конце 40-х годов XV в. наиболее полно освещен Халкокондилем, лишь некоторые сведения об этом имеются и у Критулула. По данным Халкокондила, война Мурада II

¹ Chalco., p. 249, 24.

² Едва ли только одно происхождение Арианита сыграло при этом решающую роль.

³ Chalco., p. 250. 16.

⁴ Ibid., p. 324. 12.

⁵ Ibid., p. 324. 10.

⁶ Ibid., p. 211. 2; 354. 15.

с албанцами началась после турецкого прорыва на Истме. Захватчики двинулись на Албанию с наступлением лета¹. Более точной даты Халкокондил не приводит, хотя на этот раз ему было бы нетрудно указать и год, поскольку сам историк в 1445 г. был отправлен на Истм в качестве посла византийского императора Константина. Во главе турецкого войска на этот раз становится султан²: сам Мурад II выступил „против Скандербеге, сына Ивана“³.

Халкокондил не приводит почти никаких биографических данных о Скандербеге. Да и то, что он говорит, во многом повторяет известия других источников. Скандербег еще ребенком прибыл к султану, стал его любимцем, затем бежал во владения своего отца⁴, женился на дочери Арианита и начал „открыто“ воевать с „царем“⁵. „Открытое выступление“ албанцев против турок выразилось в неповиновении им⁶, в отказе платить дань, в том, что представители албанской знати отказались являться в султанскую ставку на поклон⁷. Смысл выражения Халкокондила — албанцы стали нападать открыто (ἐκ τοῦ ἐμφανοῦς) в известной мере раскрывается известиями Критовула⁸. Открытыми нападениями упомянутый историк называет такие, когда албанцы, выходя за пределы своей территории, совершают неожиданные набеги на земли султана. Такое поведение албанцев Халкокондил и выставляет в качестве причины, вызвавшей поход Мурада⁹.

Войско, направившееся в Албанию, было весьма значительно: оно состояло не только из местных отрядов того или другого эпарха, — в поход двинулась армия самого султана, собравшего „все войско Азии и Европы“¹⁰. С такими силами турки выступали только против очень опасного врага¹¹.

Турецкие войска вторглись прежде всего в земли Кастриотов¹², расположенные „между Эпиром и землями Сандага“¹³. За ними (преимущественно на побережье) находились владения Арианита¹⁴ — постоянный объект набегов турок из Аргирополихны. И на этот раз турки устремляются в том же направлении. Земли Кастриота подвергаются разорению, горят деревни, поля, посевы¹⁵. Гибнет все, что находится в этих местах.

Сопротивление албанского народа натиску турок возглавил Скандербег, занимавший в это время видное положение у себя на родине. Как говорит Критовул, Скандербег и Арианит прочно владели своей землей¹⁶.

Византийские историки, современники Халкокондила, ничего не сообщают о том, каким образом Скандербег организовал отпор Мураду II. Сведения об этом имеются только в „Истории“ Халкокондила.

¹ Chalc., p. 350. 5.

² Ibid., p. 350. 11.

³ Ibid., p. 350. 5.

⁴ Ibid., p. 350. 8.

⁵ Ibid., p. 350. 9.

⁶ Ibid., p. 350. 11.

⁷ Ibid., p. 350. 10.

⁸ Critobulus. De rebus gestis Mechemetis II. Fragm. Hist. Graec., Parisiis, 1870, vol. V, pars prior, III, XVI, 2.

⁹ Chalc., p. 350. 11.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Например, при осаде Константинополя 1453 г. (Ibid., p. 380. 5)

¹² Ibid., p. 350. 6.

¹³ Ibid., p. 249. 5.

¹⁴ Ibid., p. 249. 8.

¹⁵ Ibid., p. 230. 13.

¹⁶ Critob., III, XVI, 2.

По его словам, знатные албанцы, в том числе и Скандербег, ото-слали своих жен и детей в прибрежные земли венецианцев, сами же стали объезжать страну и, следуя постоянной тактике албанцев, держались в горах, выжидая хода событий¹. Но теперь дело уже не ограничивается одним только пассивным выжиданием и неожиданными нападениями на противника из горных областей. Внимание вождей направлено и на защиту городов, о нуждах которых они узнают, объезжая страну². В свою очередь и городское население привлекается к отпору туркам. Известие об этом встречается как будто только у Халкокондила.

Мурад II начал поход против албанцев в 1450 г. Турки осадили Сфетию³. Осада оказалась нелегкой. Мурад предложил защитникам города сдаться, обещая отпустить их, но албанцы ответили отказом⁴. Последовала атака янычар. Город не устоял: он был взят штурмом, и все мужчины в нем перебиты⁵. Затем турки овладели Гетией: добровольная сдача не спасла ее жителей от турецкого рабства⁶. Из Гетии Мурад двинулся на Крую. К городу были подведены осадные машины. Турки разрушили значительную часть стены⁷, но жители города защищались настолько упорно и стойко, что, несмотря на это, атака янычар не имела успеха: Мурад не взял Крую. С наступлением зимы турки сняли осаду. Так рисует события Халкокондил.

Гораздо более успешным для турок изображен этот поход у Критовула. Этот протурецки настроенный историк утверждает, что Мурад захватил горные проходы, победил и поработил албанцев⁸. Критовул не приводит конкретных сведений об осаде городов и их роли как опорных пунктов обороны страны. Он говорит о взятии „некоторых крепостей“, сообщая об этом лишь в самых общих чертах. Однако и Критовул признает, что Мурад не смог взять и подчинить крепости окончательно⁹. Султан, как сообщает этот историк, по просьбе албанцев заключил с ними мир на условиях уплаты ежегодной дани. Затем он ушел с большой добычей, которую отдал войску¹⁰.

Так описывает Критовул поход Мурада. Впрочем, и этот историк оказывается вынужденным отметить, что албанцы не стали соблюдать условий мира; они продолжали набеги на земли турок, причиняя султану большой ущерб¹¹.

На следующий год¹² Мурад, понимая, что трудность борьбы с Албанией не определяется одной лишь непримиримостью ее вождей, организует поход уже не только против „Скандербега, сына Ивана“¹³, но и против всей „прибрежной Албании“¹⁴. Намерения его при этом самые

¹ Chalco., p. 350. 19.

² Ibid., p. 350. 20.

³ Ibid., p. 351. 1.

⁴ Ibid., p. 351. 2.

⁵ Ibid., p. 351. 5. Этот рассказ Халкокондила противоречит утверждению некоторых историков о том, что Сфетия была якобы взята изменой (Герцберг. История Византии. М., 1896, стр. 562; В. В. Макушев. Исторические разыскания..., стр. 88). Наоборот, из сообщения Халкокондила видно, что жители города не согласились сдаться, а сражались до конца.

⁶ Chalco., p. 351. 6.

⁷ Ibid., p. 351. 10.

⁸ Critob., III, XVI. 3.

⁹ Ibid., III, XVI. 9.

¹⁰ Ibid., III, XVI. 4.

¹¹ Ibid., III, XVI. 3.

¹² Chalco., p. 353. 21.

¹³ Ibid., p. 353. 22.

¹⁴ Ibid., p. 354. 2.

решительные. Цель похода — взятие Круи¹. В случае отказа Венеции выдать Скандербегу султан готов осадить тот город, где он скроется². Все, что осталось неразорванным, султан повелевает разорить, все, что удастся — сжечь. По своему обыкновению, албанцы перед приходом турок отправили женщин и детей в венецианские города. Туда же, в ожидании вторичной осады, были отправлены и женщины Круи: мужчины остались защищать город. При этом, как обычно в таких случаях, оставлены были не все, а только те, кто шел на это добровольно³.

Сам Скандербег был вне города: находясь со своими людьми в горах, окружающих Крую, он давал знать о себе кострами⁴. Горящий костер был знаком того, что в нужную минуту Скандербег придет на помощь осажденным. Турки пробовали подниматься в горы, но албанцы, сражаясь доблестно и героически⁵, отбивали их нападения.

Когда стены Круи были основательно разрушены осадными машинами, Мурад предпринял генеральный штурм города всем войском *пхв-стрхти*⁶. Янычары сделали попытку ворваться в город, но все их усилия были безуспешны. Они не могли преодолеть неожиданное по стойкости сопротивление горожан⁷.

Турки решили тогда взять город измором. В это время от Георгия Сербского пришли тревожные вести о предстоящем походе венгров, и Мурад ушел из-под Круи, ничего не добившись⁸.

Борьба албанского народа за свою независимость протекала интенсивно не только на территории самой Албании. В эту борьбу включились и албанцы, населявшие Пелопоннес. Наиболее яркими эпизодами ее являются албанское восстание 1454 г. и последняя схватка албанцев с турками при Мехмеде II (1450—1467).⁹

* * *

Начиная рассказ о восстании албанцев в Пелопоннесе, Халкокондил говорит, что на третий день после взятия турками Константинополя к Эвбее подошли венецианские триеры. Людей на этих триерах не было. Взятые в свое время для защиты городских стен, они или погибли или попали в плен. Когда турки, в том числе и туредкие моряки, устремились на грабеж только что захваченного города, эти оставшиеся без присмотра триеры отвязались и поплыли по Геллеспонту. Они подошли к Эвбее и стали, как пишет Халкокондил, „вестниками несчастья Византия“⁹. Эвбейцы думали, что беда немедленно обрушится также на них, и „не знали, где найти спасение“¹⁰. Ужас охватил не только Эвбею. Жители почти всех островов Эгейского моря бросились к кораблям. Убегая от приближавшихся турок, бросились к морю и деспоты Палеологи, а с ними и жители Пелопоннеса.

Гибель угрожала всему населению полуострова и, казалось, все жители были одинаково „поражены несчастьем“¹¹. Интересно, однако, что

¹ Chalc., p. 354. 3.

² Ibid., p. 354. 4.

³ Ibid., p. 354. 15.

⁴ Ibid., p. 354. 22.

⁵ Ibid., p. 255. 4.

⁶ Ibid., p. 355. 5.

⁷ Ibid., p. 355. 8.

⁸ Ibid., p. 355. 10.

⁹ Ibid., p. 400. 6.

¹⁰ Ibid., p. 400. 10.

¹¹ Ibid., p. 406. 17.

Халкокондил обращает особое внимание на бегство тех, кого он называет *ἐπιφανεστέροι*. Этим словом не обязательно обозначалась аристократия (родовая или служилая). Халкокондил мог называть так и тех представителей греческой „интеллигенции“, которые в немалом числе переселялись в эти годы на Керкиру, Крит или в Италию.

Деспотам и *τοῖς ἐπιφανεστέροις* Пелопоннеса на этот раз не пришлось еще покинуть родную землю. Турки заключили с ними мир¹ на условии уплаты ежегодной дани в 10 000 номисм и обязательной явки на поклон к султану (с подношением соответствующих подарков)².

Однако паника, разразившаяся в Пелопоннесе после падения Константинополя, поведение деспотов и знати, думавших лишь о своем спасении, сыграли, по мнению Халкокондила, роковую роль в дальнейшей судьбе полуострова. Историк считает, что непосредственной причиной восстания пелопоннесских албанцев было трусливое поведение деспотов. „Благодаря этому случилось, — пишет Халкокондил, — что потом произошло отпадение населявших его (Пелопоннес) албанцев“³. Речь идет о восстании албанцев Пелопоннеса в 1454 г.

Труд Халкокондила является основным источником по истории этого восстания. Событиям самого восстания и истории его подавления в книге нашего историка отведено значительное место⁴. Некоторые известия об этом восстании содержатся также у Франдзи⁵. Сведения последнего, несмотря на их краткость, представляют определенную ценность.

Прежде всего Франдзи сообщает дату восстания. По его словам, оно произошло в 1454 г.: „В ту же самую осень (т. е. в осень 6962 г.) окончательно восстали албанцы Пелопоннеса против деспотов и властителей своих“⁶. Франдзи добавляет, что в декабре того же самого года Омар, сын Турахана, по просьбе деспотов, пришел усмирять это восстание⁷.

Выражение Франдзи „окончательно восстали“ (*τελέως ἐπανεστήσαν*) указывает на то, что до 1454 г. албанцы или восставали частично, или не столь решительно, или дело вообще не доходило до открытых восстаний, — просто среди албанского населения шло непрерывное брожение. Ни Халкокондил, ни Франдзи ничего не говорят о тех формах, в которые выливались менее крупные восстания, или как протекали волнения в период, предшествующий восстанию 1454 г. Но слова Франдзи „окончательно восстали“ (*τελέως ἐπανεστήσαν*) не оставляют сомнений в том, что и до событий 1454 г. имели место попытки албанцев заявить о своих правах на другой status, чем тот, каким они пользовались тогда на территории Пелопоннеса. Характеризуя их позицию, византийские писатели делают упор именно на то, что албанцы „нарушают спокойствие“ на территории греков. Показательно в этом отношении следующее сообщение: „...негодное и вредное племя албанцев, используя удобный момент, подняло голову и принялось за грабеж, что свойственно их несправедливому образу мыслей. Нарушая клятву, трижды в неделю переходили они от одного господина к другому... и таким образом пе-

¹ Chalc., p. 406. 17.

² Ducas., p. 314.

³ Chalc., p. 400. 11.

⁴ Ibid., p. 400. 11—12; 406. 15—414. 11.

⁵ Phrantzes, p. 383. 7—16; 385. 1—5; 391. 10—23.

⁶ Ibid., p. 383. 7.

⁷ Ibid., p. 383. 11.

ребирались то к одному, то к другому деспоту... часто грабили они и уничтожали все достояние как несчастных ромеев, так и других албанцев, даже родичей, даже близких своих. И сколько совершалось таких дел, и кто не оплакивал это"¹. Известие греческого историка является первым указанием на то, что в среде самих албанцев Пелопоннеса, борющихся за национальную независимость, по мере углубления социальных противоречий начинает разгораться классовая борьба.

В половине XV в. албанцы Пелопоннеса, по данным Халкокондила, продолжают еще оставаться кочевниками. Этот термин он применяет ко всем албанцам, говоря, что все они номады, которые „нигде не создают себе постоянного пребывания“². Едва ли подобная характеристика образа жизни албанцев является для этого времени правильной.

Сам Халкокондил, рассказывая о ходе восстания 1454 г.³, пишет что восставшие после разгрома деревень осаждали и разрушали города⁴. Точно так же и по словам Франдзи, албанцы требовали не только земель для своих кочевий, как можно было бы ожидать от номадов, но и захватывали города. «И вместо того, — пишет Франдзи, — чтобы говорить „деревни“ и „города“, они называют их на своем варварском языке *хастрас* и требуют их в свое подчинение»⁵.

Таким образом, албанцы в рассматриваемый период умели брать города. Это признают и Халкокондил⁶, и Франдзи⁷. Сообщения первого о поголовном „кочевничестве“ албанцев в его время сомнительны⁸. Правильнее представлять дело таким образом, что переход албанцев к оседлости представлял длительный процесс: ко времени Халкокондила часть албанского населения уже селилась в городах.

Условия жизни албанцев на территории Пелопоннеса были тяжелыми. Приведенные в свое время (1349 г.) деспотом Мануилом Кантакузином для умирения мятежных архонтов, насильно переселенные из Северной Албании Иоанном Кантакузином, они образовали большие поселения в Пелопоннесе. Хотя византийская знать презирала албанцев, считая их неспособными постоять за себя, дальнейший ход событий показал, однако, со всей очевидностью, что албанцы на их новой родине в действительности вовсе не были слабыми и беспомощными, как это представлялось некоторым авторам: они и здесь выступали такими же борцами за свое независимое существование и такими же грозными врагами турок, какими были в других местах.

Рассказ об албанском восстании 1454 г. Халкокондил начинает следующими словами: „Когда албанцы увидели, что они (деспоты Палеологи) собираются бежать, они больше не захотели повиноваться, но, сговорившись, дали друг другу клятву захватить Пелопоннес“⁹. Такое объяснение события у Халкокондила вполне закономерно. По его мнению,

¹ Phrantzes, p. 391. 10.

² Chalc., p. 407. 11.

³ Ibid., p. 407. 9.

⁴ Ibid., p. 407. 13.

⁵ Phrantzes, p. 391. 15. Слово *хастрас* может быть следует связывать не с *са-stra*, а сопоставлять его с албанским словом *хасторе-га*, т. е. „соломенная хижина“?

⁶ Chalc., p. 407. 13.

⁷ Phrantzes, p. 391. 15.

⁸ Кривовул говорит, что „большинство“ из них — кочевники. Следовательно, какая-то их часть уже перешла к оседлому образу жизни. Critob., III, XVI, 1. Ср. Э. В. Удальцова. Византийский историк Кривовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке. ВВ, т. IV, 1951, стр. 113 и сл.

⁹ Chalc., p. 406. 20—21.

для процветания греческого государства необходимо всячески укреплять власть греков над всеми подвластными им „не-греками“. Это — общая установка историка, выдвигаемая им уже во вступлении к своему труду¹.

Осень 1454 г. была удобным моментом для восстания. Только что пал Константинополь. Деспоты Пелопоннеса сказались неспособны организовать сопротивление туркам. В этой обстановке албанцы рассчитывали достигнуть успеха в своей борьбе за освобождение от господства греков.

Началась подготовка восстания. В ходе ее значительную роль сыграл, как сообщает Халкокондил, Петр Хромоу. „Сделали они это под влиянием Петра Хромого, — пишет историк, — человека нехорошего образа мыслей, но вообще деятельного, показавшего албанцам путь к осуществлению этого восстания“².

В этом сообщении обращает на себя внимание тот факт, что Халкокондил ничего не говорит о происхождении Петра Хромого. Весь контекст, в котором Халкокондил говорит о Петре, указывает на то, что здесь идет речь только о политической фигуре, а не о частном лице. В этом смысле и следует оценивать характеристику Петра Халкокондилом. Образ мыслей Петра „нехорош“ для грека Халкокондила именно тем, что он смел думать о восстании против греков и о захвате греческой территории, — и не только думать, но и взять на себя ведущую роль в подготовке восстания. Халкокондил, верный своему политическому *credo* (греки должны быть выше „не-греков“), и не мог иначе отзываться о Петре.

Но наш историк вместе с тем признает, что Петр был способен выполнить (и, может быть, даже успешно) то дело, за которое он взялся³.

Петр считал нужным разъяснить албанцам, каким путем они могут скорее всего добиться ближайшей цели, т. е. отпадения от греков⁴ и захвата Пелопоннеса⁵. Энергично выступая за освобождение от власти греков⁶, Петр полагал необходимым прежде всего, чтобы албанцы выбрали себе вождя⁷ по собственному усмотрению.

Судя по той энергии, которую проявлял Петр, организуя восстание, по той роли, которую отводит ему Халкокондил в подготовке этого восстания, судя, наконец, по тому, что совет его был принят, можно было бы ожидать, что албанцы выберут вождем самого Петра. Этого, однако, не случилось по причине, о которой Халкокондил не говорит.

По совету Петра албанцы вступили в переговоры со своими вождями⁸, однако эти переговоры успеха не имели: албанцам, говорит

¹ Chalc., p. 5. 2.

² Ibid., p. 406. 23.

³ Ibid., p. 407. 1.

Обращает на себя внимание резко отрицательная характеристика Петра Хромого, данная в свое время В. Цинкейzenом (W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II. Gotha, 1909, S. 173). Изображая организатора восстания коварным и эгоистичным честолюбцем, Цинкейzen, ссылавшийся в обоснование этой характеристики на Халкокондила, на самом деле опирался на ошибочный латинский перевод соответствующего греческого текста: Petrus Claudus, vir improbus et parum dextris moribus praeditus (человек негодный, дурных нравов).

⁴ Chalc., p. 407. 2, 3.

⁵ Ibid., p. 406. 22.

⁶ Ibid., p. 407. 3.

⁷ Ibid., p. 407. 4.

⁸ Ibid., p. 407. 5.

наш историк, помешали выбрать того, кого они хотели. Повидимому, намеченные кандидатуры удовлетворяли не всех участников восстания¹.

Этими событиями заканчивается первый период восстания 1454 г., когда оно еще не выходило за пределы только „албанского“; албанцы добивались независимого существования не для всего Пелопоннеса, но лишь для себя на занимаемой ими территории. Готовясь к восстанию, албанцы рассчитывали только на свои собственные силы.

После того как албанцам не удалось сделать вождем того, кого им хотелось, они стали искать себе предводителя среди греков. Обращались ко многим, наконец², остановили свой выбор на Мануиле Кантакузине, стоявшем в оппозиции к деспотам Палеологам. Он охотно согласился на сделанное ему предложение, и договоренность была быстро достигнута. По крайней мере, так утверждает Франдзи: „И Кантакузина Мануила они скоро сделали деспотом“³. Франдзи удивляет поступок Кантакузина. „Я не знаю, что сказать о нем, — недоумевает он, — почему и ради чего пошел он на это?“⁴.

Халкокондил ничего не сообщает о том, примкнули ли с избранием Мануила греки к движению албанцев. Но самый выбор Кантакузина вождем восстания заставляет предполагать, что за ним стояли греки, сочувствовавшие восстанию.

С принятием Мануилом Кантакузином предложения возглавить восстание албанцев начинается второй этап восстания: албанцы перешли к активным военным действиям. Восставшие двинулись на греков, захватывая имущество их и угоняя скот. Албанцы совершали нападения на противника не только в сельских местностях; они нападали и на города⁵.

С греками, как пишет Халкокондил, албанцы поступали жестоко. Они обращались с ними, как с рабами⁶.

¹ На какой-то стадии этого восстания руководители албанцев обратились к султану с просьбой передать им Пелопоннес⁷. Они обещали

¹ Chalc., p. 407. 5.

² Ibid., p. 407. 8.

³ Phrantzes, p. 383. 9.

⁴ Ibid., p. 388. 10.

⁵ Chalc., p. 407. 9. Это место текста, где у Халкокондила говорится о нападении на города, представляет некоторые трудности для понимания. Затруднение касается слов τῶν πόλεων τε εἰσὶν, к которым имеется конъектура τῶν πόλεων εἰσὶν ἄς. Боннское издание дает это место в следующем виде: καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων ἥγον καὶ ἔφερον, καὶ ὑποζύγια μὲν καὶ ζῶα, ὅσα εἶχον οἱ Ἕλληνες, ἐληίζοντο στρατεύμενοι· εἰς τὸ γένος τοῦτο νομίδες ἀπλῆντες, καὶ οὐδαμῇ σφίσι χρονίαν τὴν διτριβὴν ποιοῦμενοι· ταῦτη δὲ ὀρμώμενοι τῶν πόλεων τε εἰσὶν ὑπὸ γάγοντο, καὶ ἐπελύνοντες τὰς μὲν ἐπολιόρουσιν, τὰς δὲ καὶ ἐδῶρυν. Перевод: „они грабили и разоряли эллинов и, ведя войну, захватывали их вьючный скот и (других) животных. Племя это (албанцы) целиком кочевники, нигде они не остаются надолго. Здесь же (в Пелопоннесе), при своем нападении, они и дома захватывали в городах и, нападая, одни города осаждали, другие даже разрушали“. В издании Дарко принята конъектура εἰσὶν ἄς. Тогда вместо „дома захватывали в городах“ надо читать „захватывали некоторые города“. Таким образом, в чтении Дарко говорится о захвате некоторых городов, об осаде одних и о разрушении других. И тот и другой текст указывает, что речь идет не только об „осаде“ и не только о „разрушении“ городов. Чтение Дарко подтверждает сообщение Франдзи о том, что албанцы в ходе восстания требовали города в свое управление (Phrantzes, p. 391. 15). Чтение Боннского кодекса дает основание думать, что албанцы в 1454 г. не только берут и разрушают города в Пелопоннесе, но стремятся захватить и дома. Можно, следовательно, предположить, что какая-то часть албанцев определенно заинтересована в захвате постоянных жилищ.

⁶ Chalc., p. 407. 14.

⁷ Ibid., p. 407. 16.

отдать города Пелопоннеса, уплачивать ежегодную дань и предоставлять в случае необходимости туркам войско¹. Вероятно, эти предложения явились результатом присоединения к албанскому восстанию сепаратистски настроенного греческого архонта Мануила, который готов был пойти на какие-то соглашения с турками².

О том, какова была реакция турок на это предложение албанских предводителей, Халкокондил ничего не сообщает.

На третьем этапе восстания к албанцам сочли выгодным присоединиться и стать союзниками восставших представители знати: итальянец Чентурионе Цаккария и греки Лукан и Бохал³.

Стимулом, побудившим Чентурионе примкнуть к восстанию, были старые личные счеты с деспотом Фомой⁴. Значительно более крупной фигурой, чем Чентурионе, является Лукан. Он принадлежал к „неплохому“, хотя и „очень мало известному роду“⁵. Выдвинувшись при Феодоре Младшем, деспоте Спарты, Лукан занимал при дворе этого князя видное положение⁶. Он, говорит Халкокондил, казался человеком одаренным от природы⁷ и достаточно опытным в делах⁸.

В своей политической деятельности в Пелопоннесе Лукан использовал противоречия между пелопоннесской знатью и греками Константинополя⁹, страх пелопоннесцев перед турками¹⁰, боязнь знати потерять положение¹¹ и земли. Еще до своего столкновения с деспотом Фомой Лукан устраивал заговоры¹², группировал вокруг себя знатных греков, а затем и албанскую знать¹³. „Лукана, желавшего изменить установленные Фомой порядки, — говорит Халкокондил, — он (Фома) схватил и держал заключенным в Акрополе“¹⁴. В каком направлении Лукан хотел изменить „порядки Фомы“, видно из того, что он, по словам нашего источника, убеждал пелопоннесских греков договориться с каким-нибудь вождем¹⁵, может быть, имея в виду себя самого. Халкокондил отрицательно относится к намерениям Лукана. Ничего „здорового“, — такого, что могло бы изменить положение вещей в Пелопоннесе, он не видит в „программе“ этого архонта.

Примкнувшие к движению албанцев Мануил Кантакузин, Чентурионе и Лукан принадлежали к тем представителям родовитой знати, которые и раньше при первом удобном случае выступали против деспотов Палеологов. Одни из этих знатных людей ставили своей целью возвращение потерянных владений (Чентурионе), другие действовали, боясь потерять их (Мануил Кантакузин), третьи выдвигали весьма далеко идущие политические планы (Лукан).

¹ Chalco., p. 407. 17.

² Ibid., p. 446. 11. Кантакузин не был до конца предан делу албанцев. Повидимому, он имел какие-то „заслуги“ перед турками, поскольку, попав в лагерь Мехмеда и будучи обвинен султаном в потворстве албанцам, он отделался лишь тем, что его просто выгнали из лагеря.

³ Бохал, архонт Леонтария, потерпел поражение от войск деспота и был ослеплен (Ibid., p. 408. 8).

⁴ W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II, S. 180.

⁵ Chalco., p. 408. 17.

⁶ Ibid., p. 408. 20.

⁷ Ibid., p. 408. 19.

⁸ Ibid., p. 409. 20.

⁹ Ibid., p. 409. 1.

¹⁰ Ibid., p. 409. 2.

¹¹ Ibid., p. 408. 5.

¹² Ibid., p. 408. 15.

¹³ Ibid., p. 408. 16.

¹⁴ Ibid., p. 408. 14.

¹⁵ Ibid., p. 409. 7

Таковы были те люди, которые стояли во главе восстания 1454 г.: других руководителей восстания Халкокондил не называет.

После присоединения к албанцам греческих союзников „дела албанцев пошли в гору“¹, — пишет Халкокондил, считаящий нужным дважды отметить это обстоятельство. „И казалось, — говорит он в другом месте, — что все в Пелопоннесе перейдет к албанцам“². Положение в Пелопоннесе складывалось настолько благоприятно для восставших, что в дело решили вмешаться турки. По просьбе Асана, зятя Димитрия, Мехмед II прислал войско под начальством Турахана³, который прибыл в Пелопоннес в декабре 1454 г.⁴ С этого момента албанское восстание вступает в свой четвертый этап.

В турецком стане понимали, что усмирение албанского восстания — дело трудное, и считали целесообразным на первых порах воспользоваться для этой цели силами греков, тем более, что впереди предстояла война с Венгрией: новое наступление против Гуниади было назначено на весну 1455 г. Зима 1454—1455 гг. должна была быть использована для подготовки предстоящих походов⁵.

Вместе с тем отказать грекам в какой бы то ни было помощи тоже было невозможно: это грозило окончательным поражением деспотов, место которых в этом случае занял бы значительно более опасный противник.

Турки стремились, с одной стороны, ослабить албанцев, сделав это с наименьшей затратой своих сил и времени, с другой — не допустить и чрезмерного усиления деспотов, подлив масла в огонь их постоянной взаимной вражды.

Турахан, сделав вид, будто думает только о благе деспотов, по рассказу Халкокондила, советует им изменить отношение к своим подданным. Нельзя относиться ко всем одинаково: надо награждать хороших⁶, карать плохих⁷. Покровительствуя усердным, деспоты могут справиться со своими врагами⁸; покровительствуя негодным, они сами погибнут⁹. Но прошедшее — урок настоящему¹⁰. Все можно еще изменить к лучшему. Не лишним показалось Турахану и несколько припугнуть деспотов: без помощи султана они погибнут¹¹.

Результаты дипломатии Турахана не замедлили сказаться. Как пишет не без горечи Халкокондил, „благодаря этим советам все вышло наоборот“¹². Действительно: „бросившись ублажать своих приближенных, они (деспоты) ссорились друг с другом, споря, кто из них оказывает больше благодеяний“. Этим немедленно воспользовались в своих интересах люди, ближе всего стоящие к деспотам. Начались заговоры. „А деспоты, безумствуя друг против друга, обрекали на гибель свое дело“¹³.

Описав катастрофическое положение страны, оказавшейся под властью негодных правителей, энергичные выступления против них в это время

¹ Chalc., p. 408. 3.

² Ibid., p. 409. 13.

³ Ibid., p. 409. 14.

⁴ Phrantzes, p. 383. 11, где вместо Турахана указан его сын Омар.

⁵ W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II, S. 76.

⁶ Chalc., p. 410. 4.

⁷ Ibid., p. 410. 6.

⁸ Ibid., p. 410. 7.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., p. 410. 12.

¹¹ Ibid., p. 410. 13.

¹² Ibid., p. 410. 16.

¹³ Ibid., p. 413. 6.

Лукана Пелопоннесца¹, а также отказ албанцев и пелопоннесцев вносить полагающуюся с них дань (это поставило деспотов в отчаянное положение по отношению к туркам), Халкокондил называет, наконец, действительную причину албанского восстания: „И таким образом, эллины, сами себя истребляя, в скором времени погибли зря. Ведь албанцы и пелопоннесцы отказались уплачивать дань, если они не получают землю на совершенно одинаковых с эллинами основаниях“².

Это важное известие указывает на то, что после похода Турахана сила албанцев оказалась настолько велика, что их позиция — отказ платить дань деспотам — поставила под угрозу само существование греческого государства в Пелопоннесе. Но еще более существенным является то, что это свидетельство позволяет установить настоящую причину восстания 1454 г.: на первом плане стоял вопрос о земле.

Борьба шла за освобождение от греков, за захват Пелопоннеса³ и за справедливый раздел земли⁴, отмечает Халкокондил. Он фиксирует три основных требования восставших: требование свободного существования; право и впредь жить там, где они живут теперь; справедливый раздел этой земли.

Это последнее требование, являющееся ведущим, было непосредственно связано с кровными интересами народных масс. Важным представляется указание Халкокондила на то, что, наряду с албанцами, это требование выдвигали и пелопоннесцы, объединившиеся с ними⁵. Кого бы ни имел в виду в данном случае под этим именем Халкокондил (греков, или, может быть, даже славянское население полуострова), ясно, что, говоря о пелопоннесцах, требующих раздела земли, он разумел тех людей, у которых земли не было или которые имели ее на каких-то худших условиях, т. е., во всяком случае, людей обездоленных.

Требование, предъявленное восставшими, до того возмутило Халкокондила, что он не мог отказать себе в удовольствии позлорадствовать. Выражаясь довольно вычурно, он пишет: „Но нужно было, чтобы все поведение албанцев оказалось их последним и бесполезным проявлением силы, ничего не принесшим им, кроме несчастья“⁶.

Историю подавления восстания Халкокондил рисует в общих чертах следующим образом. По предложению Турахана против албанцев вместе с турками отправился и деспот Димитрий. Албанцы укрыли женщин и детей в крепости Барботии, находящейся в деспотате Мистры. Подступы к этому пункту они укрепили, построив стену и башню⁷. Турки сделали подкоп и пытались овладеть Барботией⁸. Ночь помешала им это сделать. Пользуясь темнотой, жители пробовали уйти. Турки заметили это, напали на них и захватили до 10000 человек.

Оттуда через Итому⁹ турки двинулись на крепостцу Аэтес¹⁰. Жители ее незадолго до того перешли на сторону Чентурионе. Город сдался

¹ Chalc., p. 413. 6—13.

² Οἱ μὲν Ἕλληνας οὕτω ἐν οὐδενὶ λόγῳ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν ἐπιτριβόμενοι κατὰ βραχὺ ἀπώλυντο· τὸν τε γὰρ φόρον αὐτοὶ τε οἱ Ἀλβανοὶ καὶ οἱ Πελοποννήσιοι οὐκ ἔφασαν ἀποδιδῆναι, ἂν μὴ τις αὐτοῖς ἐπιδιεσόμενος τὴν χώραν ἐπὶ τοῖς ἰσοῖς τε καὶ ὁμοίοις ξυμβαίῃ. Chalc., p. 414, 5.

³ Ibid., p. 406. 22.

⁴ Ibid., p. 414. 8.

⁵ Ibid., p. 413. 15.

⁶ Ibid., p. 414. 9.

⁷ Ibid., p. 411. 15.

⁸ Ibid., p. 411. 17.

⁹ Ibid., p. 412. 1.

¹⁰ Ibid., p. 412. 2.

нападающим: горожане обязались выдать туркам, по словам Халкакондила, 1000 рабов, оружие и вьючный скот.

После этого и остальные албанцы отправили своих послов к деспотам, обещав прекратить сопротивление, если им будет сохранено все то, чем они завладели¹, и кроме того, разрешено оставить у себя всех захваченных лошадей и вьючных животных. Деспоты согласились принять эти условия.

Заключение по существу столь почетного для албанцев мира, происшедшее, если верить Халкакондилу, после их сплошных неудач, отнюдь не было успехом Турахана. Повидимому, справиться с восставшими было не так легко, как об этом пишет Халкакондил, рисующий картину побед турок: в ходе борьбы последние убедились в том, что им предстоит впереди немалые трудности. Не приходится удивляться тому, что Халкакондил, восхваляя подвиг Арианита Комнина², умаляет успехи пелопоннесских албанцев, хотя и воздает должное их стойкости. В первом случае дело шло о борьбе за албанскую территорию. Во втором же случае албанцы Пелопоннеса покушались, по мнению Халкакондила, на территорию греков: этот факт с его точки зрения заслуживает осуждения. Историк как бы забывает, что албанцы действовали в Пелопоннесе не одни; что заодно с ними выступали и „пелопоннесцы“.

После восстания 1454 г., несмотря на мир, заключенный с деспотами, албанцы не прекратили своей борьбы. Они отказались выплачивать деспотам дань. То же самое сделали и „пелопоннесцы“³. Не получая средств ни от тех, ни от других, деспоты, в свою очередь, ничего не вносили туркам. Когда посланные Мехмеда II явились в Пелопоннес за данью, они, по словам историка, „не нашли здесь ничего хорошего“. Халкакондил сетует на то, что греки своим поведением губят общее дело⁴. Их „неразумное и недальновидное“ поведение⁵ привело, по его мнению, к тому, что Мехмед двинулся на Пелопоннес⁶.

Султан выступил в поход после того, как послал Махмуда, сына Миханла, против венгров и узнал, что они держатся спокойно⁷. С султаном шло все восточное войско и войска Фессалии и Македонии. Подойдя к Коринфу, Мехмед не стал тратить времени на осаду этого хорошо укрепленного города; оставив его окруженным своими войсками, султан с основными силами устремился дальше.

Прежде всего он направился на Флиунт. Предводитель флиунтских албанцев переправил их в хорошо укрепленное место⁸. Туда же поместили и „других жителей Флиунта“⁹.

Албанцы Флиунта были сильнейшими противниками турок в Пелопоннесе¹⁰. Однако город Тарс вступил в переговоры с турками (причины этого Халкакондил не раскрывает), отдал им 300 мальчиков и принял турецкого архонта¹¹.

¹ Chalc., p. 412. 7.

² Ibid., p. 251. 7.

³ Ibid., p. 442. 5.

⁴ Ibid., p. 442. 3.

⁵ Ibid., p. 442. 8.

⁶ Ibid., p. 443. 1.

⁷ Ibid., p. 443. 3.

⁸ Ibid., p. 443. 15.

⁹ Ibid., p. 444. 16. Данный текст может служить лишним подтверждением того, что в борьбе против турок объединилось все население Пелопоннеса, совместными усилиями, противостоявшее врагу.

¹⁰ Ibid., p. 482. 19.

¹¹ Ibid., p. 444. 18.

Направившись из Тарса вглубь Пелопоннеса, Мехмед II встретил на своем пути город, построенный на „высокой горе“¹.

Турки отрезали его от воды, хотя горожанами были приняты все меры для защиты источника. Недостаток воды заставил жителей (пытавшихся было месить хлеб на крови животных) пойти на переговоры. Не дождавшись их окончания, турки обманным путем захватили город.

Такой же была судьба Акрибы, жители которой оказали отчаянное сопротивление захватчикам².

От Акрибы войско Мехмеда II двинулось на Рупель³. Там укрывались и греки и албанцы со своими женами и детьми. Жители крепости доблестно выдержали неоднократные атаки турок. Нападавшие собрались уже бросить дело, как город неожиданно сдался⁴. Жители его были переселены в Константинополь⁵. В Рупеле, между прочим, находилось двадцать человек из числа защитников сдавшегося Тарса. Они пришли сюда, чтобы продолжать борьбу с турками. После падения Рупеля эти люди особенно жестоко пострадали⁶.

Овладев названной крепостью, Мехмед II направился дальше на юг. Пройдя через Мантинею, его войско достигло города Падзеники⁷. Однако все попытки турок взять этот город потерпели неудачу: им пришлось уйти из-под Падзеники.

В Леонтарии деспот Фома собрал албанцев и поднявшихся против турок греков⁸. Он построил их к бою, и вид этого войска, как пишет Халкокондил, смутил турок. Однако восставшие на этот раз понесли поражение⁹. Немало было перебито албанцев, населявших окрестности Пилоса¹⁰. Доблестно защищался город Салменика¹¹, где укрылись жившие близ него греки и албанцы. Турки не раз предпринимали штурм города, били по нему из осадных машин, ранили многих жителей, но так ничего и не добились¹². С исключительной доблестью сражались защитники акрополя этого города¹³.

Недостаток воды в конце концов заставил жителей сдаться. 600 горожан Мехмед сделал рабами и роздал представителям турецкой военной знати¹⁴. Около 600 мальчиков он взял в янычары, всех же остальных продал в рабство¹⁵.

Во время похода Мехмеда II на Пелопоннес наиболее сильное сопротивление туркам оказали албанцы Флиунта. Султан особенно хотел подорвать позиции восставших в этом районе, так как знал, по словам Халкокондила, что больше всех нарушают спокойствие и сопротивляются им именно эти албанцы: отсюда — и чрезвычайно жестокая расправа с ними, учиненная турками.

Позднее албанцы под руководством своих вождей Петра Хромого, организатора восстания 1454 г., и Расика поддерживали греков. Они

¹ Chalc., p. 444. 21.

² Ibid., p. 445. 14.

³ Ibid., p. 445. 18.

⁴ Ibid., p. 446. 3.

⁵ Ibid., p. 446. 6.

⁶ Ibid., p. 446. 7.

⁷ Ibid., p. 446. 12.

⁸ Ibid., p. 457. 19.

⁹ Ibid., p. 458. 11.

¹⁰ Ibid., p. 478. 12.

¹¹ Ibid., p. 480. 12.

¹² Ibid., p. 480. 20.

¹³ Ibid., p. 481. 8.

¹⁴ Ibid., p. 481. 5.

¹⁵ Ibid., p. 481. 7.

готовы были помогать и Венецианской республике в восстановлении Истма, обещав даже Венеции содействие всех пелопоннесцев¹.

В „Истории“ Халкокондила содержатся также некоторые сведения об отпоре туркам, данном албанцами уже на собственно албанской территории.

Мехмед II, потерпев неудачу в борьбе с венграми², посылает войско против Скандербега, с которым в свое время не мог справиться Мурат. Во главе этого войска, набранного из Ферр, в районе Аксия и Фессалии, он ставит Иесуса, сына Бранидзы³. Под его водительством войско вторгается в Ионию⁴ и опустошает большую ее часть.

В ответ на это Скандербег посылает посольство к римскому папе и к неаполитанскому королю Альфонсу, с которым он был уже связан раньше⁵. Поэтому, как полагает Халкокондил, Скандербег и привлек Альфонса к войне против турок. Скандербег передал Альфонсу Крую и согласился признать его верховную власть⁶. Неаполитанский король переправляет из Апулии в Эпидамин значительное войско, вместе с которым посылает и архонта-стратига — „человека, в Неаполе славного“⁷. Итальянцы принялись грабить турок. Затем, остановившись у Сфетии, они осадили город и пытались овладеть им.

Узнав об этом, Иесус поспешил на помощь осажденному городу⁸. Турки двинулись не той дорогой, по которой их ожидали итальянцы. Нападение оказалось неожиданным для последних: турки перебили войско неаполитанского короля. Скандербег при этом не пострадал, так как его не было в то время под стенами города. Несколько позднее сам Скандербег поехал в Италию к королю Неаполя и к папе. Он был ими принят с почетом, получил, по словам Халкокондила, достаточно денег и вернулся на родину⁹. В ожидании нового наступления султана Скандербег принял меры предосторожности: женщин и детей он отправил в укрепленные места и сам вместе с войском держался в горах, объезжая страну и охраняя ее там, где это требовалось¹⁰.

Между тем, турецкое войско начало набег, увозя скот. Турки пробыли в Албании недолго, но сожгли и погубили все. Устав грабить, по выражению Халкокондила, они ушли, ничего не добившись¹¹.

Далее Халкокондил рассказывает, что Скандербег стал строить крепость у Эпидамна. Построив ее, он поселил там немало албанцев и укрепил город на всякий непредвиденный случай¹². Турки не смогли взять город и были вынуждены уйти¹³.

В результате этого похода Мехмед II не добился никаких сколько-нибудь существенных результатов.

Мы не останавливаемся подробно на борьбе албанцев за свою независимость во второй половине XV в., так как это составляет тему особого исследования.

¹ Chal c., p. 557. 19.

² Ibid., p. 432. 3.

³ Ibid., p. 432. 7.

⁴ Ibid., p. 432. 10.

⁵ Ibid., p. 432. 13.

⁶ Ibid., p. 432. 15.

⁷ Ibid., p. 432. 17.

⁸ Ibid., p. 433. 21.

⁹ Ibid., p. 433. 4.

¹⁰ Ibid., p. 433. 13.

¹¹ Ibid., p. 433. 11.

¹² Ibid., p. 434. 3.

¹³ Ibid., p. 434. 9.